

Джамиля М. Мусиева¹

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID 0000-0001-5947-6570

Вадим В. Устюжанин²

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID 0000-0003-3800-1108

Леонид Е. Гринин³

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID 0000-0003-0278-2619

Андрей В. Коротаев⁴

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID 0000-0003-3014-2037

Субъективное благополучие и революционная дестабилизация. Опыт количественного анализа⁵

57

-
- 1 Мусиева Джамиля Маллаевна — стажер-исследователь, Центр изучения рисков и стабильности, НИУ «Высшая школа экономики»; научный сотрудник ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: musdjam@mail.ru
 - 2 Устюжанин Вадим Витальевич — стажер-исследователь, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru
 - 3 Гринин Леонид Ефимович — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: leonid.grinin@gmail.com
 - 4 Коротаев Андрей Витальевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; профессор ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: akorotayev@gmail.com
 - 5 Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

Acknowledgements: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University in 2023 with support by the Russian Science Foundation (Project Number 23-18-00535).

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-57-94

Резюме:

Субъективное благополучие населения, или уровень счастья, является популярной темой для научных исследований и общественно-политических обсуждений как в рамках отдельных стран, так и на глобальном уровне. В этой связи интерес также приобретает направление исследований, в которых уровень счастья рассматривается как предиктор социально-политической стабильности на данный момент. Анализ литературы выявил, что, несмотря на обилие работ по теме субъективного благополучия, его взаимосвязи с доходами, а также с политической активностью населения, работ, посвященных анализу влияния данного показателя на социально-политическую нестабильность, достаточно мало. В данной статье предпринимается попытка провести кросс-страновый анализ влияния отклонения субъективного благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития. Количественный анализ, проведенный в ходе статьи, позволил выявить наличие статистически значимого влияния данного отклонения на революционную активность как вооруженного, так и невооруженного характера. Примечательно, что выявленные закономерности касаются не всех групп стран, а только среднеразвитых, причем для каждой подгруппы также выявлены собственные закономерности. Так, средние показатели субъективной удовлетворенности жизнью более низкие, чем этого можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, являются существенными предикторами рисков вооруженных революционных выступлений в государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower middle-income countries*). Вместе с тем в государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper middle-income countries*) они уже являются предикторами невооруженных революционных выступлений.

Ключевые слова: субъективное благополучие, вооруженные революции, невооруженные революционные выступления, ВВП на душу населения, относительная депривация

Jameelah M. Musieva¹

HSE University, Moscow, Russia

Vadim V. Ustyuzhanin²

HSE University, Moscow, Russia

1 Jameelah Musieva — Trainee Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Research Fellow, Lomonosov Moscow State University. E-mail: musdjam@mail.ru

2 Vadim Ustyuzhanin — Trainee Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University. E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru

Leonid E. Grinin¹

HSE University, Moscow, Russia

Andrey V. Korotayev²

HSE University, Moscow, Russia

Subjective Wellbeing and Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis

Abstract:

The subjective well-being of the population — or the ‘level of happiness’ — is a popular topic for scientific research and socio-political discussions both domestically and internationally. In this regard, a direction of research is gaining traction; its proponents consider the level of happiness to be a predictor of the current socio-political stability. An analysis of the literature revealed that, despite the abundance of works on the topic of subjective well-being, its relationship with income — as well as with the political activity of the population — there are only a few articles devoted to the analysis of the impact of this indicator on socio-political instability. This article attempts to carry out a cross-country analysis of the impact of deviations in subjective well-being below the value that would be expected at the given level of economic development. The proposed quantitative analysis has made it possible to reveal the presence of a statistically significant influence of this deviation on the revolutionary activity of both an armed and unarmed nature. It is noteworthy that the identified patterns do not apply to all groups of countries — only to middle-income economies — and that each subgroup also has its own patterns. Thus, the mean values of subjective life satisfaction, which are lower than what could be expected with the given level of economic development, are significant predictors of the risks of armed revolutionary insurgencies in lower middle-income countries. At the same time, in upper middle-income countries, they are already predictors of unarmed revolutionary uprisings.

59

Key words: subjective well-being, armed revolutions, unarmed revolutionary actions, per capita GDP, relative deprivation

Введение

На сегодняшний день возрастает интерес к исследованию счастья как социального показателя среди ученых и практиков государственного управления. Данные исследования развиваются уже не-

- 1 Leonid Grinin — Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: leonid.grinin@gmail.com
- 2 Korotayev Andrey — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Professor, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: akorotayev@gmail.com

сколько десятков лет и привели к появлению различных подходов к измерению благополучия как на индивидуальном, так и на национальном уровне [Diener 1985]. 19 июля 2011 года Генеральная Ассамблея ООН призвала государства-члены придавать большее значение счастью и субъективному благополучию при определении способов достижения и измерения социального и экономического развития¹. В том числе страны призывали разрабатывать собственные методологии измерения субъективной удовлетворенности жизнью и представлять результаты в ООН. Через год, 28 июня 2012 года, принята резолюция 66/281, в рамках которой 20 марта объявлено международным днем счастья². Начали появляться министерства счастья (Венесуэла³, ОАЭ⁴, штат Имо в Нигерии⁵, штат Мадья Прадеш в Индии⁶, Камчатский край⁷), в которых разрабатываются конкретные планы действий по повышению субъективного благополучия граждан. Пять стран также образовали Правительственный альянс экономики благосостояния: Новая Зеландия, Исландия, Финляндия, Шотландия и Уэльс⁸. На данный момент имеется множество различных рейтингов и индексов, посвященных измерению субъективного благополучия. Наиболее известными являются базы данных Всемирного опроса ценностей, а также Института Гэллапа. Данные последнего публикуются в рамках Всемирного доклада о счастье (World Happiness Report).

60

Счастье отражает качество жизни населения и является важным показателем успеха для любой страны, отражающего степень удовлетворения населением страны своей жизнью независимо от уровня экономического развития. Политики и правительства различных стран используют индикаторы прогресса для оценки

1 Happiness should have greater role in development policy — UN Member States. URL: <https://news.un.org/en/story/2011/07/382052>

2 66/281. International Day of Happiness. URL: <https://happinessday.org/wp-content/uploads/2015/11/UN66281.pdf>

3 Despacho de Viceministro de la Suprema Felicidad Social del Pueblo. URL: http://www.presidencia.gob.ve/Site/Web/Principal/paginas/classVice_Suprema_Felicidad_Social_Pueblo.php

4 Happiness. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/the-uae-government/government-of-future/happiness>

5 Nigeria's Imo state now has a commissioner in charge of happiness. URL: <https://africa.cgtn.com/nigerias-imo-state-now-has-a-commissioner-in-charge-of-happiness/>

6 Happiness department. URL: <https://www.anandsansthanmp.in/hi/anandsansthan-workshop>

7 Министерство социального благополучия и семейной политики Камчатского края. URL: <https://mintrud.kamgov.ru/>

8 Wellbeing Economy Alliance. URL: <https://weall.org/>

и разработки социально-экономической политики. Стандартные показатели экономического прогресса теперь можно дополнить показателями благосостояния, способными лучше отражать изменения в качестве жизни [Helliwell, Wang 2012; Helliwell et al. 2012]. Эти данные также могут помочь согласовать традиционный анализ затрат и выгод с мерами, которые более точно отражают потребности населения [Diener 2009].

Сочетанием показателей субъективного благополучия и экономического роста правительства могут оценить всеобъемлющий национальный прогресс, выходящий за рамки материального уровня жизни, и, таким образом, получить больше информации для обеспечения всестороннего социального процветания [Adler 2016]. Политическим кругам любого государства данный индикатор позволяет определяться с формированием соответствующих целей и мер по их реализации, отвечающих реальным потребностям граждан.

Известно, что счастье является понятием, подходы к определению которого значительно разнятся, но сегодня мы наблюдаем попытки научного осмысления данного феномена посредством количественных инструментов. В частности, имеются в виду различные индексы счастья, а также результаты опросов ведущих российских и зарубежных опросных центров. Сложилось также новое направление в экономической науке «экономика счастья», которое делает акцент на субъективном благополучии (счастье) как показателе условий жизни людей и развития страны в целом. Наряду с этим популярным направлением также является «позитивная психология» и т.п. В целом исследование феномена счастья привлекает представителей различных научных дисциплин от социогуманитарных до естественнонаучных (медицина), что определяет его комплексный характер.

Измерение уровня счастья является показателем эффективности государственного управления, т.к. отражает уровень удовлетворенности граждан своей жизнью и обуславливает поиск более эффективной методологии измерения данного показателя [Шматова, Морев 2015]. Действующие макроэкономические показатели измерения общественного развития недостаточны для современной эпохи [Helliwell et al. 2012; Jayawickreme et al. 2012; Stiglitz et al. 2010]. Несмотря на то что еще сам создатель концепции ВВП С. Кузнец заявлял, что «благосостояние нации вряд ли можно вывести из меры национального дохода»¹, институциональная архитектура и государственная политика во всем мире

1 Выступление перед Конгрессом США в 1934 г.

в основном опирались и все еще продолжают опираться на ВВП. Традиционные экономисты и политики исходили из того, что большинство видов деятельности можно измерить с точки зрения денежных затрат и выгод, но также и того, что показатели результатов, особенно ВВП, отражают желаемые социальные цели. Вместе с тем Дж. Стиглиц и А. Сен указывали на преувеличение роли ВВП в измерении социального прогресса, что тем более существенно, если рассматривать это на фоне мирового финансового кризиса 2008 года [Гринин, Коротаев 2010; Шматова, Морев 2015]. В дополнение к таким важным и проверенным показателям, как ВВП, оценка удовлетворенности жизнью может играть важную роль в оценке влияния модернизации на социальную ткань общества и его настроение во многих странах с развивающейся экономикой¹. Оценка удовлетворенности жизнью важна в выборе способов решения насущных проблем как в развитых, так и развивающихся странах, в том числе для учета рисков социально-политической дестабилизации².

62

Таким образом, постоянный учет показателей субъективного благополучия граждан в сочетании с рациональной экономической политикой и другими гуманистическими целями является очень важной частью государственной и международной политики в условиях возрастающих социально-экономических проблем, где счастье становится основным фактором достижения многих самых важных социальных целей.

Наряду с этим споры о том, является ли субъективное благополучие следствием роста ВВП, ведутся уже более четырех десятилетий. Ричард Истерлин впервые опубликовал данные, ставящие под сомнение утверждение о том, что рост ВВП ведет к росту благополучия [Easterlin 1974]. Его анализ показал, что ВВП и удовлетворенность жизнью тесно связаны между собой в странах с низким доходом. Однако в случае преодоления определенного порога существует минимальная или даже нулевая корреляция между ВВП и субъективным ощущением счастья [Easterlin 1995; Easterlin 2001]. Сопоставимые результаты, но на более широкой

1 Наши исследования показывают, что модернизация часто вызывает усиление напряжения в обществе, рост неудовлетворенности жизнью, властью и перспективами, рост неравенства и много других негативных последствий. В итоге период модернизации становится особенно опасным с точки зрения возможных дестабилизаций, включая революции (см. об этом ниже).

2 Мы согласны, что «опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики» [Степашин 2008: 137].

выборке были получены А. В. Коротаевым и Д. А. Халтуриной [Коротаев, Халтурина 2008; 2009: 142-159; 2010: 162-175]. Истерлин отмечает, что в рамках парадокса действует принцип «гедонического колеса», где рост доходов сверх данного периода насыщения приводит к росту потребностей [Inglehart 2005; Jayawickreme 2012], неудовлетворенность которых приводит к относительной депривации [Easterlin 1974]. Первая попытка опровержения парадокса Истерлина была предпринята в 2003 году Р. Винховеном и М. Хэджерти, на которое в 2005 году ответил сам Истерлин, обратив внимание на ошибки в интерпретации результатов. Развивая данную точку зрения, Р. Лэйард обозначает ВВП на душу населения на уровне 20 000 долларов как пороговое значение для упомянутого уровня насыщения [Лэйард 2011]. В 2013 году Истерлин пересматривает свое первоначальное утверждение о том, что за пределами определенного уровня дохода нет никакой связи между доходом и удовлетворенностью жизнью [Easterlin 2013]. Вместо этого он заключает, что только относительный доход (как внутри стран, так и между странами) связан с удовлетворенностью жизнью. Поскольку люди сравнивают себя с людьми в своей стране и с людьми в других странах (путешествуя или через телевидение и прочие средства массовой информации), абсолютный доход не влияет на счастье. Именно относительный доход, или проблема разрыва между более обеспеченными и менее обеспеченными, воспринимаемая как необоснованное неравенство или даже несправедливость, является тем фактором, который приводит к относительной депривации.

63

Таким образом, им выявлено, что для удовлетворения жизнью для людей имеет значение рост их дохода не в абсолютном, а в относительном выражении. В последующем начали появляться многочисленные работы по теме зависимости между экономическим ростом и субъективным благополучием [Stevenson, Wolfers 2008; Diener 2013; Di Tella, McCulloch 2008; Madden 2011; Li, Shi 2019; и др.]. Используя различные точки зрения и теоретические основы, исследователи детально рассматривают факторы, влияющие на ощущение счастья, или субъективного благополучия, однако мнения до сих пор разнятся.

Субъективная оценка жизни непосредственно сказывается на поведении человека в обществе, его предпочтениях и ценностях, которые в том числе являются политическими, что обуславливает рассмотрение данного показателя как индикатора социально-политической стабильности в стране [Carpenter 2023; Diener 1993; Veenhoven 2008]. С учетом того, что различные модернизационные факторы современными исследователями выделяются в качестве значимых факторов нестабильности

[Гринин 2017; Коротаев, Шишкина, Балтач 2019; Розов 2019; Розов и др. 2019; Устюжанин, Степанищева и др. 2023; Шульц 2016; Dahl 2017; Goldstone et al. 2010; Grinin 2013; Huntington 1968; Korotayev, Shishkina 2020], можно предположить, что пониженный уровень счастья/удовлетворенности жизнью также является фактором, во многом способствующим революционным настроениям и выступлениям в стране. Достаточно большой объем литературы на русском и иностранных языках можно найти по теме влияния удовлетворенности жизнью как на политическую активность граждан, так и на социально-политическую ситуацию в стране в целом [Дейнека, Вартанова 2012; Коротаев 2014; Смолева, Морев 2016; Степашин 2008; Golovina 1995; Golovina, Savchenko 1994; Diener 1993; Lindholm 2020; Okulicz-Kozaryn, Avery 2014; Prati 2022; Savchenko 2000]. Результаты разнятся, т.к. одни исследователи отмечают отсутствие значимой взаимосвязи [Pirralha 2017], в то время как другие, наоборот, заявляют о ее наличии [Buhlmann 2016; Clark 2014; Lindholm 2020; Weitz-Shapiro et al. 2011; Witter et al. 1984].

64

Субъективное благополучие можно рассматривать как психологический ресурс для участия в политической жизни своей страны [Sahu 2003; Samman 2007], который в случае удовлетворенностью жизнью мотивирует граждан более активно проявлять свою гражданскую позицию, и наоборот, неудовлетворенность жизнью имеет тенденцию ее снижать [Ojeda 2015]. Это можно связать с мотивационной теорией А. Маслоу [Maslow 1954], где при удовлетворении базовых уровней потребностей достигается потребность более высокого уровня — в самоактуализации, которая в том числе проявляется стремлением к участию в политической деятельности [Koltko-Rivera 2006; Inglehart, Welzel 2005; Tay, Diener 2011; Veenhoven 2008]. Большинство современных данных о взаимосвязи между СБ и политической деятельностью свидетельствуют о положительном влиянии именно на формальное политическое участие [Lyubomirsky et al. 2005; Flavin, Keane 2011].

Между тем совершенно иным образом обстоит ситуация в случае низкого уровня счастья, которое, помимо отсутствия формального интереса к политической жизни страны в рамках действующего политического режима, может стать фактором развития протестной активности, способной привести к социально-политической дестабилизации [Bodenhausen et al. 1994; Clark 2014; Cornwall 2004; Dalton 2006; Hooghe, Marien 2013; Kaase 1999; Lind 1988; Ng et al. 2022; Van Stekelenburg, Klandermans 2013; Van Troost et al. 2013; Van Zomeren et al. 2008]. Именно данный вопрос является наименее изученным в научной литературе и будет рассматриваться в данной статье. В частности, предпринята попытка внести ясность в вопрос о влия-

нии субъективного благополучия на вероятность революционной дестабилизации.

В рамках обширного объема литературы по теориям революции имеется достаточно работ по анализу социально-психологического фактора. В частности, в них рассматриваются отношения подчиненных и угнетенных социальных групп. Так, Дж. Дэйвисом [Davies 1962] была разработана теория возрастающих ожиданий, согласно которой протесты наиболее вероятны не среди самых бедных и угнетенных, а среди тех, кто наблюдал позитивную динамику в пользу улучшения условий. Это давало основание многим формировать определенные ожидания на будущее. Однако когда реальность в результате переставала соответствовать их ожиданиям, люди становились более склонными к революционной активности¹. В развитие этой теории Т. Р. Гурром [Gurr 2015] было предложено, что вместо абсолютных значений относительный уровень бедности и нищеты является фактором социально-политической нестабильности, что также послужило основой теории относительной депривации.

Данная теория неоднократно подвергалась критике. Так, Р. Айя [Aya 1979] аргументирует, что в рамках указанных теорий нет возможности определить, в каком случае или на каком уровне разрыва между ожиданиями населения и реальным удовлетворением потребностей возрастают риски революционных выступлений, т.е. «нет проработанного систематического анализа более широких экономических и политических обстоятельств, в рамках которых происходят революционные выступления» [Sanderson 2010: 63]. Анализируя критику теории возрастающих ожиданий, а также теории относительной депривации, С. Сандерсон приходит к выводу о том, что их недостатки заключаются в слабой проработанности дополнительных условий и обстоятельств, которые возникают в рамках развития революционных выступлений [Sanderson 2010: 64].

Вместе с тем анализ влияния уровня субъективного благополучия на революционный анализ ранее проводился Коротаевым и Шишкиной, где авторы в качестве причин революционных событий в рамках «арабской весны» рассматривали именно уровень счастья, что успешно было ими доказано с помощью количественных методов [Korotayev, Shishkina 2020].

В рамках данной статьи предпринимается попытка рассмотреть объективный показатель благосостояния (ВВП на душу населения),

1 Анализ психологических аспектов в обществе, в том числе социальной фрустрации и депривации, в работах Дж. Дэйвиса см.: [Урнов 2008: 184–188].

влияние которого на социально-политическую стабильность уже неоднократно доказывалось в многочисленных работах [Коротаев, Васькин 2017; Коротаев и др. 2017, Коротаев 2020; Устюжанин и др. 2023; и др.] в совокупности с показателем субъективного благополучия. В связи с этим первая гипотеза будет сформулирована следующим образом:

Н1. Отклонение в данном государстве средней субъективной оценки его гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации.

Также в развитие теории относительной депривации и теории возрастающих ожиданий закономерно ожидать наибольший эффект в среднеразвитых странах, где благодаря модернизационным процессам и экономическому развитию происходят значимые изменения условий жизни, качество которых находит отражение в реакции населения. Согласно принятому Всемирным банком разделению среднеразвитых стран на страны нижнего (с подушевым ВВП от 2000 до 7000 международных долларов по ППС/*lower middle-income economies*) и верхнего (с подушевым ВВП от 7000 до 25 000 международных долларов по ППС/*lower middle-income economies*)¹ эшелонов, ввиду существенного различия уровня развития и условий жизни в них для каждой из групп стран можно выдвинуть собственные гипотезы.

В странах нижнего эшелона наблюдаются существенно более низкие, чем в странах верхнего эшелона среднеразвитых стран, значения подушевого ВВП, охвата населения формальным образованием и урбанизации [Коротаев, Билюга, Шишкина 2017а; Коротаев, Сойер, Гладышев и др. 2021; Коротаев, Сойер, Гринин и др. 2020; Korotayev, Sawyer et al. 2021]. При этом более низкие значения подушевого ВВП, охвата населения формальным образованием и урбанизации существенно повышают вероятность того, что революционные выступления примут вооруженный характер [Коротаев, Жданов 2023; Устюжанин, Гринин и др. 2022а; Устюжанин, Сумерников и др. 2022; Besançon 2005; Dahl et al. 2021; Gleditsch, Rivera 2017; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a]. Кроме того, государства нижнего эшелона среднеразвитых стран характеризуются заметно более высокой долей молодежи в общей численности взрослого населения, чем страны верхнего эшелона (см., например: [Романов и др. 2021]), а ведь повышенная доля молодого населения (т.н. «молодежный бугор») является важным предиктором того, что революционная дестаби-

1 Подробнее об этом см.: [Коротаев, Васькин, Билюга 2017].

лизация будет принимать вооруженные насильственные формы [Устюжанин, Зинькина, Коротаев 2023; Choukri 1974; Cincotta, Weber 2021; Mesquida, Wiener 1996; Staveteig 2005; Weber 2019]. Наконец, среди государств нижнего эшелона среднеразвитых стран заметно выше, чем в странах верхнего эшелона, доля полных автократий, а, соответственно, ниже доля частичных автократий и особенно частичных демократий [Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Коротаев, Соьер и др. 2020; Korotayev, Bilyuga et al. 2018; Korotayev, Sawyer et al. 2021], в то время как в полных автократиях революционные выступления принимают вооруженный характер значительно чаще, чем в частичных автократиях и особенно частичных демократиях [Жданов, Коротаев 2022; Устюжанин, Коротаев 2022; Ustyuzhanin, Korotayev 2023b]. Все это позволяет нам выдвинуть для государств нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower-middle income countries*) следующую гипотезу:

Н2а. В государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (lower-middle income countries) отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором вооруженной революционной дестабилизации.

67

В странах верхнего эшелона экономически среднеразвитых стран (*upper-middle income countries*) наблюдаются существенно более высокие, чем в странах нижнего эшелона среднеразвитых стран, значения подушевого ВВП, охвата населения формальным образованием и урбанизации [Коротаев, Соьер, Гладышев и др. 2021; Коротаев, Соьер, Гринин и др. 2020; Korotayev, Vaskin et al. 2018]. При этом более высокие значения подушевого ВВП, охвата населения формальным образованием и урбанизации существенно повышают вероятность того, что революционные выступления примут невооруженный характер [Гринин и др. 2017; Коротаев, Билюга, Шишкина 2017а; Устюжанин, Гринин и др. 2022а; Устюжанин, Михеева и др. 2022а; Устюжанин, Степанищева и др. 2023b; Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Lewis 2013; Dahlum 2019; Gleditsch, Rivera 2017; Sawyer, Korotayev 2022; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a]. Кроме того, государства верхнего эшелона среднеразвитых стран характеризуются заметно более низкой долей молодежи в общей численности взрослого населения, чем страны нижнего эшелона (см., например: [Романов и др. 2021]), что заметно снижает в странах верхнего эшелона вероятность того, что революционные выступления там будут принимать вооруженные насильственные формы [Устюжанин, Зиньки-

на, Коротаев 2023; Устюжанин, Жодзишская и др. 2022b; Cincotta, Weber 2021; Goldstone 2002; Mesquida, Wiener 1999; Staveteig 2005; Urdal 2006; Weber 2019]. Наконец, среди стран верхнего эшелона среднеразвитых стран заметно выше, чем в странах нижнего эшелона, доля частичных автократий и частичных демократий и, соответственно, ниже доля полных автократий [Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Коротаев, Сойер и др. 2020; Korotayev, Bilyuga et al. 2018; Korotayev, Sawyer et al. 2021], что также увеличивает в странах верхнего эшелона вероятность того, что революционная дестабилизация там примет относительно более мирные невооруженные формы [Жданов, Коротаев 2022; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Устюжанин, Коротаев 2022; Ustyuzhanin, Korotayev 2023b]. Все это позволяет нам для государств верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper-middle income countries*) сформулировать следующую гипотезу:

Н2б. В государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (upper-middle income countries) отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором невооруженной революционной дестабилизации.

68

Данные и методы

В качестве зависимой переменной мы используем бинарный индикатор, отражающий начало [=1] или отсутствие начала [=0] в стране невооруженного революционного выступления. При этом вслед за Дж. Лоусоном и Дж. Голдстоуном, мы используем следующие определения революции: «революция — это коллективная мобилизация, направленная на быстрое и насильственное свержение действующего режима с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» [Lawson 2019: 5]; «революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» [Голдстоун и др. 2022: 109]; или революция — это «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституцио-

нализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун 2006: 61].

Для анализа мы используем информацию, предоставляемую базой данных Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3 [Chenoweth, Christopher 2020], которая идентифицирует революционные выступления/«кампании», происходившие с 1900 по 2019 год¹. Она описывает революционные выступления по целям, продолжительности, успеху или неудаче и, что важно для нас, по методам — вооруженным и невооруженным. Именно последняя классификация — было ли революционное выступление/«кампания» вооруженной или нет — будет взята нами в качестве основы для создания зависимых переменных. Так, первой зависимой переменной будет наличие вооруженного революционного выступления за определенный год в конкретной стране, когда «1» — произошло вооруженное революционное выступление, а «0» — или отсутствие любого события, или невооруженное выступление. Вторая зависимая переменная — наличие невооруженного революционного выступления, которое получено тем же образом, однако «1» свидетельствует о невооруженном характере события.

69

В качестве главной независимой переменной мы используем показатели счастья, или удовлетворенности жизнью, Института Гэллапа — набор общенациональных репрезентативных опросов, проведенных в более чем 160 странах на более чем 140 языках². Главный вопрос об оценке жизни, заданный в опросе, звучит так: «Как бы вы оценили вашу жизнь на данный момент по шкале от 0 до 10, где “10” представляет для вас наилучшую возможную жизнь, а “0” лестницы представляет для вас наихудшую возможную жизнь (шкала также известна как “Лестница Кантрила”)»? Данные по странам широко варьируются: так, согласно последним данным, европейские страны возглавляют рейтинг: Финляндия, Дания, Исландия, Швейцария и Нидерланды имеют самые высокие баллы (все со средним значением выше 7). Самые низкие баллы у Афганистана, Ливана, Зимбабве, Руанды и Ботсваны (все со средними баллами ниже 3,5).

Однако, как ранее указывалось, нас интересует не влияние счастья как такового, а эффект отклонения среднего уровня субъектив-

1 О том, что так называемые «максималистские кампании» (Э. Ченовет) представляют собой в большинстве своем не что иное, как революции/революционные эпизоды, см., например: [Устюжанин и др. 2022а: 52; Grinin, Korotayev 2022: 86–87].

2 Global Happiness Center. Official statistics for global wellbeing — Gallup World Poll. URL: <https://www.gallup.com/analytics/349487/gallup-global-happiness-center.aspx>

ной оценки удовлетворенности жизнью ниже того, что следовало бы ждать при соответствующем уровне экономического развития, на повышение рисков вооруженных/невооруженных революционных выступлений. Этот фактор можно операционализировать как регрессионные остатки из модели, где зависимой переменной является уровень счастья, а независимой — уровень экономического развития. Другими словами, это та компонента счастья населения, которую нельзя объяснить уровнем экономического развития. В качестве операционализации уровня экономического развития нами взят ВВП на душу по ППС в международных долларах 2017 года¹. При этом мы используем его десятичный логарифм для нормализации и сравнимости.

В качестве основного метода анализа нами выбран регрессионный анализ. Для моделирования отклонения уровня счастья от уровня благосостояния мы используем линейную модель по описанному выше принципу². При этом наши данные являются панельными, когда в выборке одни и те же объекты (страны) повторяются несколько раз (за определенные годы) в определенной последовательности. Это требует от нас использования панельных моделей, которые учитывают разнородность данных как между странами, так и внутри них самих в рамках перехода от года к году. Кроме того, такой тип данных предполагает неслучайность ошибок и гетероскедастичность, что требует от нас учесть это путем кластеризации ошибок на объекты исследования (страны). Для исследования революций мы используем логистическую регрессию (потому что зависимая переменная — бинарная) для редких событий. Число единиц в данных (произошла революция) в разы меньше нулей (отсутствие революционных событий в определенный год в определенной стране), что требует от нас учета такого распределения зависимой переменной, иначе мы неминуемо недооценим значимость и эффект отдельных факторов. Для этого мы используем специальный метод оценивания, который вносит средний и медианный «штраф» к максимизации правдоподобия (которое является обычным методом оценки, подробнее см.: [Kosmodis et. al 2020]). Более того, мы также оцениваем пулированную модель с кластеризованными на страну стандартными ошибками. Также в модели включается счастье и его отклонение от уровня ВВП на душу с лагом в один год, потому

70

1 GDP per capita, PPP (constant 2017 international \$) — World Bank Database. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>

2 Хотя уровень счастья является порядковой переменной, мы анализируем ее в качестве непрерывной в силу ее упорядоченности и относительно большого числа категорий (10), что делает оценки достоверными.

что революционное событие может значительно повлиять на его уровень.

В итоге мы рассмотрим временной интервал с 2005 по 2019 год для 148 стран. К сожалению, нам приходится сильно сужать временной интервал в силу отсутствия данных для уровня счастья за предшествующие года, хотя зависимая переменная есть с 1900 года.

Результаты

В данном разделе с помощью описанных методов мы анализируем влияние отклонения субъективного благополучия от того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, на риски как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации.

Таблица 1 представляет собой результаты регрессионного анализа между отклонением субъективного благополучия от того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, на вероятность революционных выступлений вооруженного и невооруженного характера. В МНК модели показан расчет самого отклонения. Видно, что благосостояние в целом хорошо объясняет вариацию субъективного счастья населения (на 62%), когда рост ВВП на душу сопровождается значимым ростом уровня счастья. В последующих моделях с помощью спецификации логистической регрессии исследуются невооруженные и вооруженные революции и их зависимость от отклонения счастья от уровня благосостояния.

71

Таблица 1. Линейная регрессия на уровень счастья и логистическая регрессия (bias-reduction) на вооруженные и невооруженные выступления

	Уровень счастья (МНК <i>pooled</i>)	Невооруженные революции (BR <i>logistic model</i> <i>pooled</i>)	Вооруженные революции (BR <i>logistic model</i> <i>pooled</i>)
Константа	-1,75*** (0,13)	-3,01*** (0,11)	-4,91*** (0,29)
ВВП на душу населения (lg)	1,78***		

	Уровень счастья (МНК pooled)	Невооруженные революции (BR logistic model pooled)	Вооруженные революции (BR logistic model pooled)
	(0,03)		
Отклонение средней субъективной оценки благополучия от того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/ подушевого ВВП (остатки в МНК модели)		-0,45**	-0,96**
		(0,15)	(0,34)
72 R2	0,62		
Наблюдения	1989	1851	1851
AIC		715,22	180,53

Примечание: ***p < 0,001; **p < 0,01; *p < 0,05; в скобках приведены стандартные ошибки, кластеризованные на страну; МНК pooled — метод наименьших квадратов с пулированным оцениванием; BR logistic model pooled — логистическая регрессия для «редких» событий с пулированным оцениванием.

В обеих моделях независимая переменная является значимым и негативным предиктором начала невооруженных и революционных событий соответственно. При этом уменьшение несоответствия уровня счастья уровню экономического развития на 1 пункт приводит к снижению риска начала невооруженного эпизода на 36%, а вооруженного — на 62%. Таким образом, государство, чей уровень субъективной оценки счастья ее гражданами полностью соответствует ее подушевому ВВП, по отношению к государству, где уровень счастья отстает от благосостояния на 2 деления шкалы, подвержено рискам невооруженной и вооруженной революционной нестабильности на 59% и 85% меньше соответственно.

Следует также рассмотреть графическую презентацию вероятности революционной дестабилизации в случае отклонения пока-

зателя субъективного благополучия от уровня экономического развития (рис. 4 и 5).

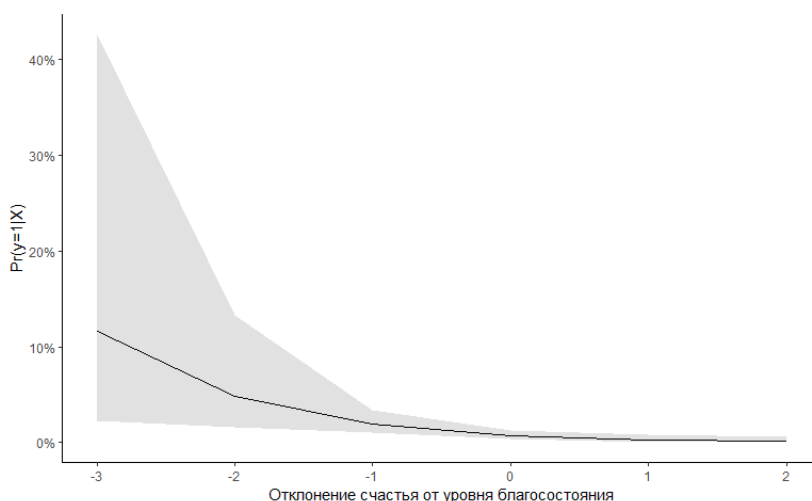

Рисунок 1. Предсказанные вероятности возникновения вооруженного революционного выступления в зависимости от отклонения уровня счастья от уровня экономического развития

Figure 1. The predicted probabilities of an armed revolutionary uprising depending on the deviation of the level of happiness from the level of economic development

73

На рисунке 1 представлен график с предсказанными вероятностями того, что в стране случится вооруженный революционный эпизод в зависимости от отклонения среднего значения субъективного благополучия от того уровня, которого можно было бы ожидать в соответствующем государстве при данном уровне экономического развития, с 95% доверительным интервалом. Видно, что средний уровень субъективного ощущения счастья заметно более высокий, чем тот, что можно было бы ожидать при данном уровне экономического развития, является мощным предиктором того, что в стране не произойдет вооруженное революционное выступление, в то время как его отклонение в отрицательную сторону заметно повышает риски вооруженной революционной дестабилизации.

Применительно к невооруженной революционной дестабилизации картина выглядит следующим образом (рис. 2).

На рисунке 2 представлен график с предсказанными вероятностями того, что в стране случится невооруженный революционный эпизод в зависимости от отклонения среднего значения субъективного благополучия от того уровня, которого можно было

бы ожидать в соответствующем государстве при данном уровне экономического развития, с 95% доверительным интервалом. Так, с вероятностью 15% и более в стране возможно развитие невооруженной дестабилизации в случае, если уровень счастья не соответствует достигнутому страной уровню экономического развития в размере 3 делений шкалы. В то же время он стремится к нулю в случае, когда средние показатели субъективного ощущения счастья заметно выше.

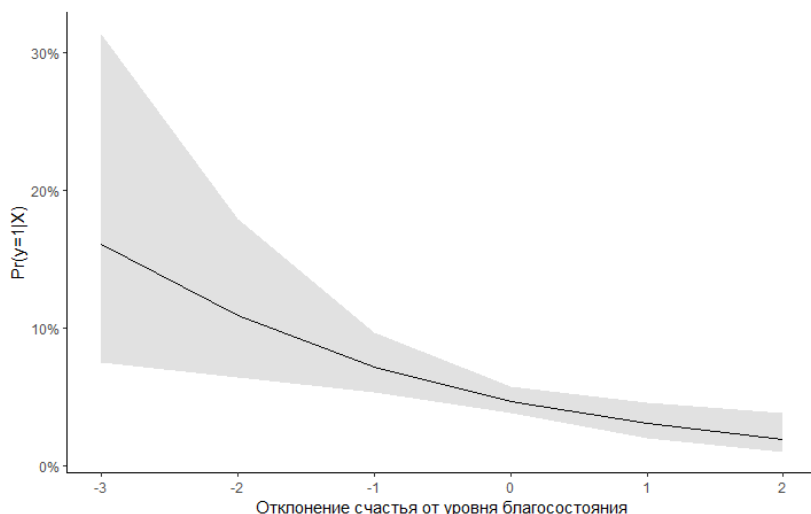

Рисунок 2. Предсказанные вероятности возникновения невооруженного революционного выступления в зависимости от отклонения уровня счастья от уровня экономического развития

Figure 2. Predicted probabilities of unarmed revolutionary action depending on the deviation of the level of happiness from the level of economic development

Таким образом, на основании данных, представленных в таблице 1 и на рисунках 1 и 2, можно констатировать, что гипотеза H1 подтверждается: утверждение о том, что «отклонение в данном государстве средней субъективной оценки его гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, является значимым предиктором как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации», находит свое эмпирическое подтверждение.

Далее рассмотрим особенности влияния отклонения уровня счастья от ВВП на душу населения на вооруженные и невооруженные революционные события по отдельности.

На рисунке 3 представлена диаграмма рассеивания, описывающая вероятность возникновения вооруженных выступлений.

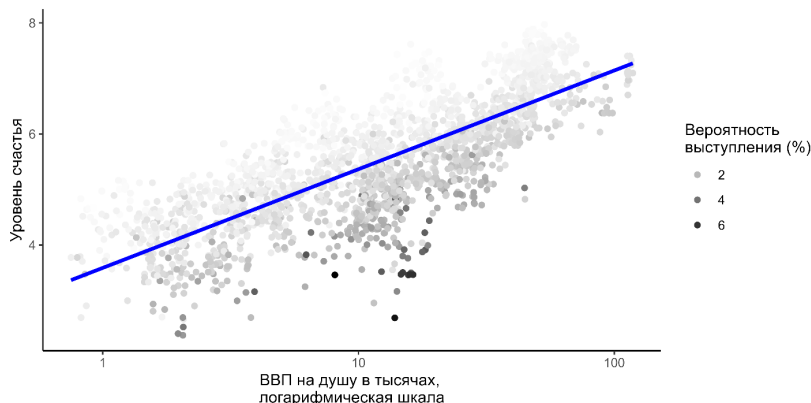

Рисунок 3. Вероятность вооруженных выступлений. По оси абсцисс — ВВП на душу населения. По оси ординат — средние значения субъективной оценки гражданами своего благополучия для соответствующих страно-лет

Figure 3. The likelihood of armed uprisings. The abscissa shows GDP per capita. On the y-axis — the average values of the subjective assessment by citizens of their well-being for the corresponding country-years

75

Страны, расположенные ниже регрессионной линии (сплошная линия на рис. 3), представляют собой случаи, где средние значения субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития. Таким образом, согласно данным рисунка 3, наблюдается более высокая вероятность вооруженных революционных выступлений у стран, расположенных ниже регрессионной линии, где фиксируется эффект относительной депривации. Наибольшая вероятность вооруженных выступлений наблюдается (6%), как ни странно, в среднеразвитых странах с низким уровнем счастья. В менее развитых странах с низким уровнем счастья вероятность составляет около 4%. Таким образом, отставание показателя удовлетворенности жизнью значительно повышает риски вооруженных выступлений. Далее рассмотрим связь между ВВП на душу населения, уровнем счастья и вооруженными выступлениями из модели МНК в таблице 1 (рис. 4). По *оси ординат* дан десятичный логарифм ВВП на душу населения (в тысячах), а по *оси абсцисс* — средние значения субъективной удовлетворенности жизнью в соответствующие страно-годы.

Анализ диаграммы рассеивания (рис. 4), в которой приведены случаи вооруженных выступлений (отмечены звездочками), позволяет заключить, что в странах, где одновременно наблюдается и высокий уровень субъективной удовлетворенности гражданами своей

жизнью, и высокий уровень экономического развития, вооруженные революционные выступления практически исключены. Это в первую очередь обусловлено тем, что, как ранее уже показывалось, высокий ВВП на душу населения является мощным статистически значимым ингибитором вооруженных революционных выступлений [Коротаев, Васькин 2017; Коротаев и др. 2017; Коротаев 2020; Устюжанин и др. 2023b; Besançon 2005; Cincotta, Weber 2021; Dahl et al. 2021; Beissinger 2022]¹. Вместе с тем несмотря на то, что страны с низким показателем ВВП на душу населения высоко подвержены рискам вооруженных революций, на представленном графике видно, что в наименее экономически развитых (*low income*) странах отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия от того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, ни в какой степени не является предиктором вооруженной революционной дестабилизации. Это можно объяснить тем, что в данных странах наблюдается абсолютная депривация, т.е. неудовлетворенность в базовых потребностях, поэтому субъективный фактор оценки собственного благополучия у населения не имеет столь весомого значения, как в экономически среднеразвитых (*middle income*) государствах.

76

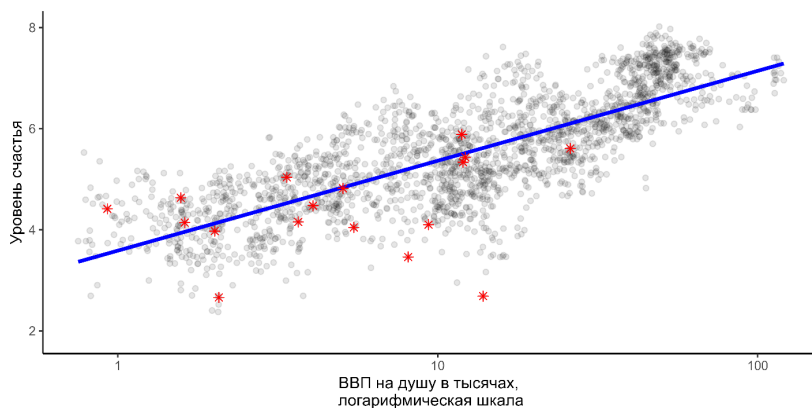

Рисунок. 4. Зависимость между средними значения субъективной оценки гражданами своего благополучия, ВВП на душу населения и вооруженными революционными выступлениями

Figure 4. The relationship between the average values of the citizens' subjective assessment of their well-being, GDP per capita and armed revolutionary uprisings

1 Конечно, также существенно, что большинство таких стран являются полными демократиями.

Большая часть вооруженных революционных выступлений находится ниже уровня регрессии и приходится преимущественно на нижний эшелон *среднеразвитых стран*. Это совершенно неслучайно. Так, А. В. Коротаев, С. Э. Билюга и А. Р. Шишкина в своей работе уже выявляли, что по среднему значению индекса социально-политической дестабилизации по тертилям ВВП на душу населения в долларах США по ППС за период 1960–2014 гг. наибольшая интенсивность наблюдалась в среднеразвитых странах с ВВП на душу населения от 3250 до 11 600 международных долларов по ППС [Коротаев, Билюга, Шишкина 2017b]. В этих странах также наблюдалась более высокая интенсивность политических репрессий и политических убийств [Там же: 22]. Количество вооруженных революций, приведенных на графике, как раз примерно соответствует указанному интервалу ВВП на душу населения (с учетом инфляции с 2011 г., к 2017 г. ожидаемо смещение вправо). Следует обратить внимание, что в данном случае мы рассматриваем именно события, фактором которых являются более низкие значения уровня счастья в сравнении с уровнем экономического развития (ниже регрессионной линии), что явно свидетельствует о наличии эффекта относительной депривации в них. Это говорит о том, что происходящие процессы модернизации и распределение ресурсов в стране носят несбалансированный характер, порождая большой разрыв между богатыми (меньшей части населения) и бедными (большей части населения), сопровождающиеся шоками и кризисами, замедляющими социально-экономическое развитие. Соответственно, это вызывает недовольство и подталкивает население к протестной активности, в данном случае — вооруженной.

77

Среди прочего следует также обратить внимание на то, что рост неудовлетворенности и протестной активности может быть дополнительно связан с возрастной структурой населения многих модернизирующихся стран, где доля молодежи является очень высокой (т.н. «молодежный бугор» — см. выше). Эта молодежь ввиду нерешенности структурных проблем в стране, а также имеющего места неравенства не может найти способы самореализации и обеспечить себе достойные условия жизни, соответствующие представлениям молодых людей. Об этом также упоминалось в ряде работ, в которых приводится определение «несчастливого развития» в странах Ближнего Востока, т.е. достижения экономического развития страны не оказывают ожидаемого позитивного влияния на жизнь населения, которое вылилось в события «арабской весны» [Коротаев, Шишкина, Балтач 2019; Arampatzi et al. 2015; Korotayev, Shishkina 2020]. Таким образом, возникает эффект неоправданных ожиданий и относительной депривации, где протест вызывает не столько бедность сама по себе, сколько разрыв между ожиданиями и реальностью.

Вместе с тем в тех государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран, в которых уровень счастья выше регрессионной линии, революционных событий не наблюдается. Таким образом, в целом гипотеза Н2а «В государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower-middle income countries*) отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором вооруженной революционной дестабилизации» находит свое эмпирическое подтверждение¹.

Далее рассмотрим невооруженные революционные выступления (см. рис. 5):

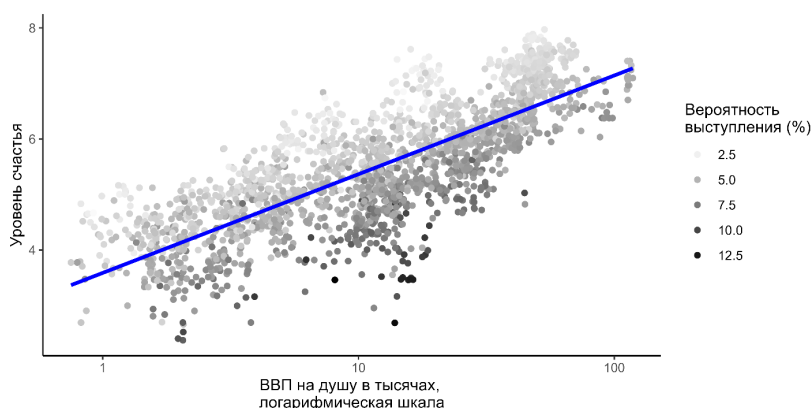

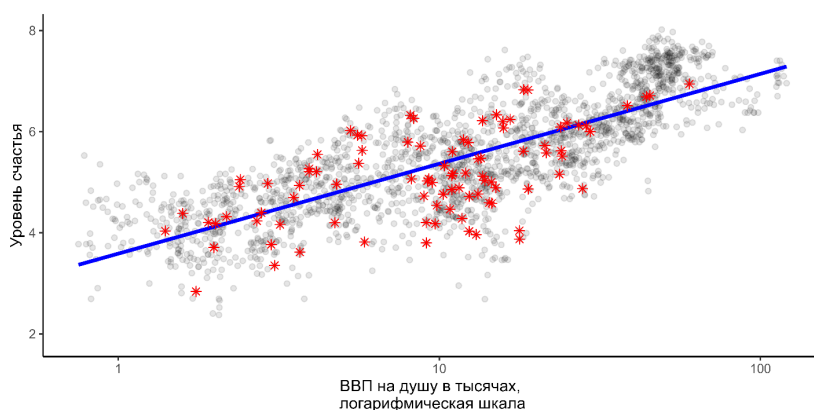
Рисунок 5. Вероятность невооруженных выступлений. По оси абсцисс — ВВП на душу населения. По оси ординат — уровень счастья
Figure 5. Probability of unarmed performances. The abscissa shows GDP per capita. On the y-axis — the level of happiness

На рисунке 5 приведена аналогичная диаграмма рассеивания для невооруженных революционных выступлений, где также можно проследить, что вероятность заметно повышается в случае стран, где наблюдается относительная депривация, т.е. удовлетворенность жизнью отстает от фактического уровня развития [Gurr 2015]. Наи-

1 В этой связи стоит отметить, что процесс глобального старения, который охватывает все большее количество стран, меняет структуру населения в этих странах в пользу пожилых когорт. Это существенно меняет и поведение населения (см.: [Grinin, Grinin, Korotayev 2020, 2023]). При этом ощущение субъективного недовольства жизнью у пожилой части населения может быть достаточно высокой, особенно в периоды экономических трудностей, однако оно не будет так ярко проявляться в протестной активности уже по причине общего снижения активности пожилых людей из-за возраста.

более высокая вероятность наблюдается в среднеразвитых странах с ВВП на душу населения примерно от 7 тыс. до 25 тыс. международных долларов, т.е. в государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper middle-income economies*). В то же время если обратим внимание на данные корреляции реальных невооруженных революционных выступлений с отклонением уровня счастья от ВВП на душу населения (рис. 6), то можно обнаружить, что, как и в случае с вооруженными выступлениями, высокий уровень счастья является ингибитором социально-политической дестабилизации.

На рисунке 6 представлена диаграмма рассеивания, визуализирующая связь между ВВП на душу населения, средними значениями субъективной оценки гражданами своего благополучия и невооруженными выступлениями из модели МНК в таблице 1.

79

Рисунок 6. Зависимость между средними значениями субъективной оценки гражданами своего благополучия, ВВП на душу населения и невооруженными революционными выступлениями

Figure 6. The relationship between the average values of citizens' subjective assessment of their well-being, GDP per capita and unarmed revolutionary actions

Наибольшее количество невооруженных выступлений приходится на среднеразвитые страны высшего эшелона (примерно от 7000 до 25 000 международных долларов) с высоким эффектом относительной социальной депривации ввиду низкого уровня субъективного благополучия населения при достигнутом уровне развития. В этих странах революционная активность носит скорее невооруженный характер, т.к. в странах данной группы более высокие инвестиции в человеческий капитал, при котором граждане располагают более высокими доходами и экономическими благами, т.е. им есть что терять в случае применения вооруженной

силы в рамках протестов (Устюжанин и др. 2022а; Устюжанин и др. 2023b; Устюжанин и др. 2023c; Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Gleditsch, Rivera 2017; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a). Модернизация в данных странах стимулирует процессы урбанизации, роста уровня образования населения, улучшение здравоохранения, а также смену ценностных приоритетов. При этом происходящее формирование среднего класса приводит к большей активности в области защиты своих гражданских прав и свобод, т.к. население при удовлетворении материальных потребностей стремится уже к удовлетворению постматериальных, заключающихся в свободе самовыражения [Inglehart, Welzel 2005]. Здесь также вступает в действие эффект относительной депривации, однако, в отличие от вооруженных революций, включение в революционную протестную активность возможно скорее в случае превышения потенциальных выгод от участия в них, что ведет к тому, что революционные выступления здесь имеют преимущественно невооруженный характер.

80

В целом можно констатировать эмпирическое подтверждение и гипотезы H2b «В государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper-middle income countries*) отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором невооруженной революционной дестабилизации».

Заключение

Количественный анализ, проделанный в рамках данной статьи, позволяет сделать следующие выводы. Анализ данных таблицы 1 и рисунков 1 и 2 показал, что гипотеза H1 находит свое подтверждение: Отклонение в данном государстве средней субъективной оценки его гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации.

Вместе с тем проведенный количественный анализ позволил выяснить, что отклонение средней субъективной оценки благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, является предиктором революционной дестабилизации только для экономически среднеразвитых стран (*middle income countries*).

Предыдущие исследования зависимости между ВВП на душу населения и рисками революционной дестабилизации показали, что величина душевого ВВП является важным фактором, в заметной

степени определяющим форму революционного выступления, т.е. будет ли оно вооруженным или невооруженным [Коротаев, Васькин и др. 2017; Коротаев, Билюга и др. 2017а; Коротаев, Соьер, Гринин и др. 2020; Устюжанин и др. 2023b; Chenoweth, Lewis 2013; Dahlum 2019; Ustyuzhanin, Korotayev 2023b]. В странах с низким ВВП на душу населения людям нечего терять, и они с большей готовностью идут на вооруженные насильственные способы выражения собственного недовольства условиями жизни в стране. В то же время в странах даже с относительно более высокими значениями данного показателя люди значительно меньше склонны к такой форме революционной активности, т.к. есть определенный задел и блага, полная потеря которых вполне может грозить в случае использования вооруженного насилия. В таких странах преобладают невооруженные формы революционной активности. На основе данного вывода закономерно использование дополнительного показателя, применяемого в качестве предиктора революции. Так, уже рассматривалось влияние таких модернизационных факторов, как уровни урбанизации, демократизации, охвата населения формальным образованием, а также модернизационно обусловленное изменение возрастной структуры.

Тезис о дестабилизирующих эффектах процесса модернизации выдвигался еще Хантингтоном [Хантингтон 2004; Huntington 1968, 1986] и нашел развитие в многочисленных исследованиях [Гринин 2017; Коротаев, Васькин и др. 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017; Коротаев, Соьер, Гринин и др. 2020; Розов 2019; Розов и др. 2019; Устюжанин и др. 2022а; Устюжанин и др. 2023b; Шульц 2016; Grinin 2012, 2013, 2022; Korotayev, Vaskin et al. 2018]. Причиной нестабильности являются диспропорции, которые развиваются в процессе модернизационных процессов в стране, порождая неравенство в распределении экономических ресурсов и появление у населения неоправданных ожиданий (относительной депривации) [Коротаев 2014; Коротаев, Васькин и др. 2017; Gurr 2015; Korotayev et al. 2014].

На диаграммы рассеивания были наложены регрессионные линии, которые позволяют наблюдать соотношение показателей субъективного благополучия и объективного экономического развития: если страно-год находится ниже регрессионной линии, то средний уровень удовлетворенности гражданами своей жизнью ниже того, что следовало бы ожидать при данном уровне экономического развития страны. Аналогично, если страно-год находится выше регрессионной линии, то средний уровень удовлетворенности гражданами своей жизнью в данной стране в данном году был выше того, что следовало бы ожидать при данном уровне подушевого ВВП.

При этом анализ рисунков 3 и 4 показал, что гипотеза H2а эмпирически подтверждается, т.е. отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было

бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором рисков вооруженных революционных выступлений в государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower-middle income countries*). Неравномерное распределение благ среди населения страны и прочие проблемы, возникающие в процессе модернизации на ранних этапах и приводящие к недовольству населения уровнем жизни при достигнутых экономических успехах, побуждают их на протестную революционную активность с применением вооруженного насилия.

Аналогичным образом данные рисунков 5 и 6 уже по невооруженным выступлениям демонстрируют, что средние показатели субъективной удовлетворенности жизнью, более низкие, чем этого можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, являются существенными предикторами невооруженной революционной дестабилизации в государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper-middle income countries*), эмпирически подтверждая обоснованность гипотезы H2б. Наибольшее число невооруженных революционных выступлений свойственно именно странам данной группы, т.к. в отличие от стран нижнего эшелона (*lower middle-income countries*), в этих странах наблюдается значительно более высокий уровень инвестиций в человеческий капитал, а население менее склонно к вооруженным революционным выступлениям, потому что сформировались определенные социально-экономические блага, потеря которых может принести им убытки. Кроме того, население здесь заметно более образованно и урбанизировано. К тому же эти страны имеют заметно более старое население и заметно более демократическую политическую организацию. Все эти факторы (более высокие уровни душевного ВВП, урбанизации, демократизации, охвата населения формальным образованием, а также меньшая доля молодежи в общей численности взрослого населения) обуславливают то обстоятельство, что в государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper middle-income economies*) отклонение средней субъективной оценки гражданами своей удовлетворенности жизнью ниже того уровня, который можно было бы ждать при соответствующем уровне экономического развития, ведет прежде всего к увеличению вероятности невооруженных относительно мирных революционных выступлений, в то время как в государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower middle-income economies*) то же самое сочетание ведет скорее к росту рисков более кровавых вооруженных революционных событий.

В условиях трансформации глобального мирового порядка и выхода на первый план быстроразвивающихся экономик стран, которые все еще относятся к среднеразвитым (как, например, страны БРИКС), актуально исследование возможных проблем и рисков их социально-экономического и социально-политического разви-

тия, т.к. развивающееся глобальное противостояние выражается в использовании внутренних проблем страны внешнеполитическими противниками. Ввиду этого в выработке государственной политики большое значение теперь играет отслеживание уровня счастья населения, т.к. именно оно сможет стать мощным ингибитором протестных волнений в случае, если субъективная удовлетворенность выше предсказанной уровнем экономического развития, либо, наоборот, провоцировать их в противоположном случае.

Но необходимо помнить, что на ощущение счастья влияют многие факторы, которые также одновременно могут влиять и на дестабилизацию. В частности, можно рекомендовать правительствам следующие способы минимизации рисков, связанных с возможностью дестабилизации в аспекте уровня счастья. 1) Для обществ, быстро экономически развивающихся, необходимо помнить, что такое развитие ведет к образованию резких диспропорций в обществе и росту недовольства, поэтому гораздо легче уменьшать эти диспропорции с помощью принятых законов или специальных мер на начальном этапе, чем когда они закрепились. Соответственно, в планы модернизации необходимо включать и меры по уменьшению неудовлетворенности населения условиями жизни.

83

2) В странах с достаточно высокой опасностью революций должны быть правительственные органы (помимо политической полиции), которые бы занимались анализом ситуации в стране и готовили бы на регулярной основе предложения по минимизации рисков дестабилизации. Необходимо делать социологические замеры, в т.ч. оценивать ситуацию в области субъективного ощущения удовлетворенности жизнью (счастья) и реагировать на понижение этого показателя.

3) Обращать неустанное внимание на наиболее чувствительные моменты, которые могут стать источником революционного взрыва: политика в отношении языков, доступа к образованию разных групп, межнациональных и межэтнических конфликтов, религиозных трений, опасности пауперизации значимых групп населения. Эти факторы могут очень сильно и негативно влиять на оценку населением субъективного благополучия.

4) Особое внимание необходимо обратить на молодежь, поскольку, как указывалось выше, это наиболее податливая часть в отношении протестов. Необходимо систематически проводить государственную политику в отношении молодежи, в т.ч. по ее трудоустройству и созданию социальных лифтов.

5) Нельзя полностью закрывать клапан критики, то есть нужно как-то спускать пар недовольства, иначе давление разорвет котел. Соответственно, наличие оппозиции является в данном вопросе стабилизирующим фактором, позволяющим удовлетворить запрос

общества на альтернативную точку зрения. Отсутствие альтернативных источников информации и идеологии также негативно влияет на оценку населением состояния субъективного благополучия (подробнее о такого рода рекомендациях см.: [Гринин 2022]).

В целом необходимо отметить, что рассмотрение степени отклонения субъективного благополучия от ВВП на душу населения в анализе протестной активности значительно дополняет имеющийся задел в исследовании рисков социально-политической дестабилизации и представляет большой научный интерес для дальнейшего изучения.

Библиография / References

Аргайл М. (2003) *Психология счастья*. СПб.: Питер.

— Argyle M. (2003) *Psychology of happiness*. St. Petersburg: Peter. — in Russ.

Вагапова А. Р. (2016) Соотношение субъективного благополучия и социально-политических представлений этнических групп. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития* 5, 4(20): 330–334.

— Vagapova A. R. The ratio of subjective well-being and socio-political ideas of ethnic groups. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology* 5, 4(20): 330–334. — in Russ.

Голдстоун Д. (2006) К теории революции четвертого поколения. *Логос*, № 5(56): 58–103.

— Goldstone J. (2006) Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Logos*, 5(56): 58–103. — in Russ.

Голдстоун Д., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022) Волны революций XXI столетия. *Полис: Политические исследования*, 4: 108–119.

— Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *Polis-Politicheskiye Issledovaniya*, 4: 108–119. — in Russ.

Гринин Л. Е. (2017) Революции и исторический процесс. *Философия и общество*, 3: 5–29.

— Grinin L. (2017) Revolutions and Historical Process. *Filosofiya i obshchestvo*, 3: 5–29. — in Russ.

Гринин Л. Е. (2022) Революции: за и против. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, (13): 35–64

Grinin L. E. (2022) Revolutions: pros and cons. *System monitoring of global and regional — risks*, (13): 35–64. — in Russ.

Гринин Л. Е., Билуга С. Э., Коротаев А. В., Малыженков С. В. (2017) Доля студентов в общей численности населения и социально-политическая дестабилизация: опыт количественного анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 4(87): 35–47. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-35-47

— Grinin L., Bilyuga S., Korotayev A., Malyzhenkov S. (2017) Share of Students in Total Population and Socio-Political Destabilization. Quantitative Analysis.

Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy, and Sociology of Politics, 87 (4): 35-47. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-35-47. — in Russ.

Дейнека О. С., Вартанова И. А. (2012) Удовлетворенность жизнью как предиктор отношения к экономической и политической стабильности студенческой молодежи. *Современные проблемы науки и образования*, 6.

— Deineka O. S., Vartanova I. A. (2012) Satisfaction with life as a predictor of attitudes towards the economic and political stability of student youth. *Modern problems of science and education*, 6. — in Russ.

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2022) Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*, 34 (4): 102-127. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-4-102-127. — in Russ.

— Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2022) Elections, Regime Type and Risks of Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis. *Sociology of Power*, 34 (4): 102-127. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-4-102-127. — in Russ.

Коротаев А. В. (2014) О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года. *Историческая психология и социология истории*, 7 (1): 56-74.

— Korotayev A. V. (2014) On the possible economic and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014. *Historical psychology and sociology of history*, 7 (1). P. 56-74. — in Russ.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2016) ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика*, 7 (4): 72-94. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94

— Korotayev A., Bilyuga S. & Shishkina A. (2016) GDP per capita, protest intensity and regime type: a quantitative analysis. *Sravnitelnaya Politika-Comparative Politics*, 7(4): 72-94. DOI:10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94. — in Russ.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2017а) ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 1 (84): 127-143. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-84-1-127-143

— Korotayev A., Bilyuga S. & Shishkina A. (2017b) GDP Per Capita, Intensity of Anti-Government Demonstrations and Level of Education. Cross-national Analysis. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 84(1). P. 127-143. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-84-1-127-143. — in Russ.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2017b) Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис. Политические исследования*, 2: 155-169. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.11

— Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2017b) Correlation between GDP per capita and protest intensity: a quantitative analysis. *Polis. Politicheskkiye Issledovaniya*, 2: 155-169. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.11. — in Russ.

Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. (2017) Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 16 (1): 9-49. DOI: 10.17323/1728-192X2017-1-9-49

— Korotayev A. V., Vaskin I. A., Bilyuga S. E. (2017) Olson-Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis. *Sociologicheskoe Obozrenie* = *Russian Sociological Review*, 16 (1): 9–49. DOI: 10.17323/1728-192X2017-1-9-49. — in Russ.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. (2017) *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Московская редакция издательства «Учитель».

— Korotayev A. V., Grinin L. E., Isaev L. M., Bilyuga S. E., Vaskin I. A., Slinko E. V., Shishkina A. R., Meshcherina K. V. (2017) *Destabilization: global, national, natural factors and mechanisms*. М.: Moscow edition of the publishing house “Uchitel”. — in Russ.

Коротаев А. В., Жданов А. И. (2023) Количественный анализ экономических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Социология власти*, 35 (1): 118–159. DOI: 10.22394/2074-0492-2023-1-118-159

— Korotayev A. V., Zhdanov A. I. (2023) A Quantitative Analysis of Economic Factors of Revolutionary Destabilization: Results and Prospects. *Sociology of Power*, 35 (1): 118–159. DOI: 10.22394/2074-0492-2023-1-118-159. — in Russ.

86

Коротаев А., Сойер П., Гладышев М., Романов Д., Шишкина А. (2021) О некоторых социально-демографических факторах интенсивности антиправительственных демонстраций: доля молодежи в населении, урбанизация и протесты. *Социологическое обозрение*, 20 (3): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-3-98-128

— Korotayev A., Sawyer P., Gladyshev M., Romanov D., Shishkina A. (2021) Some Sociodemographic Factors of the Intensity of Anti-Government Demonstrations: Youth Bulges, Urbanization, and Protests. *Russian Sociological Review*, 20(3): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-3-98-128. — in Russ.

Коротаев А. В., Сойер П. С., Гринин Л. Е., Романов Д. М., Шишкина А. Р. (2020) Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных. *Социологический журнал*, 26 (4): 61–78. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7642

— Korotayev A. V., Sawyer P. S., Grinin L. E., Romanov D. M., Shishkina A. R. (2020) Socio-economic development and anti-government protests in light of a new quantitative analysis of global databases. *Sociological Journal*, 26 (4): 61–78. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7642. — in Russ.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. (2008) Можно быть бедным и счастливым, но нельзя быть богатым и несчастным? К проблеме критериев социального прогресса. *Проблемы математической истории: Историческая реконструкция, прогнозирование, методология* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS: 215–237.

— Korotayev A. V., Khaltourina D. A. (2008) Can one be poor and happy, but one cannot be rich and unhappy? On the problem of criteria for social progress. *Problems of mathematical history: Historical reconstruction, forecasting, methodology* / Ed. by G. G. Malinetsky and A. V. Korotayev. Moscow: Librokom/URSS: 215–237. — in Russ.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. (2009) *Современные тенденции мирового развития*. М.: Либроком/URSS.

— Korotayev A. V., Khaltourina D. A. (2009) *Modern trends in world development*. Moscow: Librokom/URSS. — in Russ.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. (2010) Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS: 11-188.

— Korotayev A. V., Khalturina D. A. System monitoring of global and regional development. *System monitoring: Global and regional development* / Ed. by D. A. Khaltourina, A. V. Korotayev. Moscow: Librokom/URSS: 11-188. — in Russ.

Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Балтач А. А. (2019) Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа. *Полис. Политические исследования*, 2: 107-122. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.08

— Korotayev A. V., Shishkina A. R., Baltach A. A. (2019) Relative Deprivation as a Factor of Socio-Political Destabilization: Towards the Quantitative Analysis of the Arab Spring. *Polis. Political Studies*, 2: 107-122. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.08. — in Russ.

Лэйард Р. (2011) *Счастье: уроки новой науки*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

— Layard R. (2011) *Happiness: lessons from a new science*. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar. — in Russ.

Розов Н. С. (2019) *Философия и теория истории*. Кн. 2: *Причины, динамика и смысл революций*. М.: Красанд/URSS.

— Rozov N. S. (2019) *Filosofiya i teoriya istorii*. Kn. 2: *Prichiny, dinamika i smysl revolyutsii*. Moscow: Krasand/URSS. — in Russ.

Розов Н. С., Пустовойт Ю. А., Филиппов С. И., Цыганков В. В. (2019) *Революционные волны в ритмах глобальной модернизации*. М.: Красанд/URSS.

— Rozov N. S., Pustovoit Yu. A., Filippov S. I. & Tsygankov V. V. (2019). *Revolutsionnye volny v ritmakh global'noi modernizatsii*. Moscow: URSS. — in Russ.

Романов Д. М., Мещерина К. В., Коротаев А. В. (2021) Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа. *Полис. Политические исследования*, 3: 166-181. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.11

— Romanov D. M., Meshcherina K. V., Korotayev A. V. (2021) The share of youth in the total adult population as a factor in the intensity of non-violent protests: a quantitative analysis. *Policy. Political studies*, 3: 166-181. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.11. — in Russ.

Смолева Е. О., Морев М. В. (2016) *Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога*. Вологда: ИСЭРТ РАН.

— Smoleva E. O., Morev M. V. (2016) *Satisfaction with life and the level of happiness: the view of a sociologist*. Vologda: ISEDT RAS. — in Russ.

Степашин С. В. (2008) *Государственный аудит и экономика будущего*. М.: Наука.

— Stepashin S. V. (2008) *State audit and the economy of the future*. Moscow: Nauka. — in Russ.

Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Коротаев А. В. (2022a) Образование и революции. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? *Полития. Журнал политической философии и социологии политики*, 1(104): 50–71. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71

— Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Medvedev I. A., Korotayev A. V. (2022a) Education and revolutions. Why do some revolutions take up arms while others do not? *Politeia. Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki*, 1(104): 50–71. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71. — in Russ.

Устюжанин В. В., Жодзишская П. А., Коротаев А. В. (2022b) Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций: опыт количественного анализа. *Социологический журнал*, 28 (4): 34–59. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9314

— Ustyuzhanin V. V., Zhodzishskaya P. A., Korotayev A. V. (2022b) Demographic Factors as Predictors of Revolutionary Situations: Experience in Quantitative Analysis. *Sociological Journal*, 28 (4): 34–59. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9314. — in Russ.

Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2022) Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 66:198–210. DOI: 10.17223/1998863X/66/18

88

— Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V. (2022) Revolutions and democracy. Why do revolutions take armed or unarmed form? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 66: 198–210. DOI: 10.17223/1998863X/66/18. — in Russ.

Устюжанин В. В., Сумерников И. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022) Урбанизация и революции: количественный анализ. *Социологические исследования*, 10: 85–95. DOI: 10.31857/S013216250018478-8

— Ustyuzhanin V. V., Sumernikov E. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2022) Urbanization and Revolutions: a Quantitative Analysis *Sociological Studies*, 10: 85–95. DOI: 10.31857/S013216250018478-8. — in Russ.

Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. (2023a) Опасная молодежь: почему революции принимают вооруженную или невооруженную форму? *Социологические исследования*, 5: 82–96. DOI: 10.31857/S013216250025805-8

— Ustyuzhanin V. V., Zinkina J. V., Korotayev A. V. (2023a) Dangerous youth: why do political uprisings take an unarmed form? *Sociological Studies*, 5: 82–96. DOI: 10.31857/S013216250025805-8. — in Russ.

Устюжанин В. В., Михеева В. А., Сумерников И. А., Коротаев А. В. (2023b) Экономические истоки революций: связь между ВВП и риском революционных выступлений. *Полития*, 1 (108): 64–87. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87

— Ustyuzhanin V., Mikheeva V., Sumernikov E., Korotayev A. (2023b) Economic Origins of Revolutions: the link between GDP and revolutionary risks. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 1 (108): 64–87. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87. — in Russ.

Устюжанин В. В., Степанищева Я. В., Галлямова А. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2023c) Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 22 (1): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192X-2023-1-98-128

— Ustyuzhanin V. V., Stepanishcheva Ya. V., Galliamova A. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2023c) Education and Revolutionary Destabilization Risks: A Quantitative Analysis. *The Russian Sociological Review*, 22 (1): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192X-2023-1-98-128. — in Russ.

Хантингтон С. (2004) *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.

— Huntington S. (2004) *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition. — in Russ.

Шматова Ю. Е., Морев М. В. (2015) Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 3(39): 141–162.

— Shmatova Yu. E., Morev M. V. (2015) Measuring the level of happiness: a literary review of Russian and foreign studies. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 3 (39): 141–162. — in Russ.

Шульц Э. Э. (2016) *Теория революции: Революции и современные цивилизации*. М.: Ленанд/URSS.

— Shults E. E. (2016). *Theory of revolution: revolutions and modern civilizations*. Moscow: Lenand/URSS. — in Russ.

Урнов М. Ю. (2008) *Эмоции в политическом поведении*. М.: Аспект-Пресс.

— Urnov M. Yu. (2008). *Emotions in political behavior*. Moscow: Aspect-Press. — in Russ.

Adler A., Seligman M. E. P. (2016) Using wellbeing for public policy: Theory, measurement, and recommendations. *International Journal of Wellbeing*, 6 (1): 1–35. DOI: 10.5502/ijw.v6i1.1

Arampatzi E., Burger M., Ianchovichina E., Röhrich T. & Veenhoven R. (2018) Unhappy development: Dissatisfaction with life on the eve of the Arab Spring. *Review of Income and Wealth*, 64: S80–S113.

Aya R. (1979) Theories of revolution reconsidered: Contrasting models of collective violence. *Theory and Society*, 8: 39–99.

Besançon M. L. (2005) Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research*, 42 (4): 393–415.

Bodenhausen G. V., Sheppard L. A., Kramer G. P. (1994) Negative Affect and Social Judgment: The Differential Impact of Anger and Sadness. *European Journal of Social Psychology*, 24 (1): 45–62.

Bühlmann M. (2016) Does Political Participation Make People Happy? *Swiss Social Report 2016: Wellbeing* / Ed. by Franziska Ehrler, Felix Bühlmann, Peter Farago, François Höpflinger, Dominique Joye, Pasqualina Perrig-Chiello, and Christian Suter. Zürich: Seismo-Verlag: 210–228.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset

of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 60 (2): 311-1339. DOI: 10.1177/0022002714541843

Carpenter D. (2012) Is Health Politics Different? *Annual Review of Political Science*, 15: 287-311.

Chenoweth E., Lewis O. A. (2013) Unpacking nonviolent campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 dataset. *Journal of Peace Research*, 50 (3): 415-423. DOI: 10.1177/0022343312471551

Chenoweth E., Shay C. W. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge (MA): Harvard Dataverse.

Choucri N. (1974) *Population dynamics and international violence: Propositions, insights, and evidence*. London: Lexington Books.

Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. *Global Political Demography: The Politics of Population Change, The Age-structural theory of state behavior* / A. Goerres, Vanhuyse (eds.) New York: Palgrave Macmillan: 57-92.

Clark M. S. (2014) A Role for Arousal in the Link between Feeling States, Judgments, and Behavior. *Affect and Cognition: 17th Annual Carnegie Mellon Symposium on Cognition* / Ed. by Margaret Sydnor Clark and Susan T. Fiske. New York, NY: Psychology Press: 265-289.

Cornwall A. (2004) Introduction: New Democratic Spaces? The Politics and Dynamics of Institutionalised Participation. *IDS Bulletin*, 35 (2): 1-10.

Dahl M., Gates S., Gleditsch K., Gonzalez B. (2021) Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactic. *Economics of Peace and Security Journal*, 16 (1): 5-25.

Dahl R. A., Lindblom C. E. (2017) *Politics, economics, and welfare*. London: Routledge.

Dahlum S. (2019) Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest. *Comparative Political Studies*, 52 (2): 277-309. DOI: 10.1177/0010414018758761

Dalton R. (2006) Citizen Politics. *Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrialized Democracies*. Washington DC: CQ Press.

Davies J. C. (1962) Toward a theory of revolution. *American Sociological Review*, 27 (1): 5-18.

Di Tella R., MacCulloch R. (2008) Cross national happiness as an answer to the Easterlin paradox. *Journal of Development Economics*, 86 (1): 22-42.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, 95 (3): 542-575.

Diener E. (1993) Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators / Ed. Diener, E. Suh. *Social Indicators Research*, 40 (1, 2).

Diener E. (2013) Rising income and the subjective well-being of nations / Ed. Diener. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104 (2): 267-276.

Diener E., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. (1985) The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49 (1): 71-75. http://dx.doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

Diener E., Lucas R., Schimmack U., Helliwell J. (2009) *Well-Being for public policy*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press. <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195334074.001.0001>

- Easterlin R. A. (1974) Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Nations and households in economic growth*, 89: 89–125. <http://dx.doi.org/10.1016/b978-0-12-205050-3.50008-7>
- Easterlin R. A. (1995) Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior & Organization*, 27 (1): 35–47. [http://dx.doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-B](http://dx.doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-B)
- Easterlin R. A. (2001) Income and happiness: Towards a unified theory. *Economic Journal*, 111: 465–484. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-0297.00646>
- Easterlin R. A. (2013) Happiness, Growth, and Public Policy. *Economic Inquiry*, 51 (1): 1–15. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1465-7295.2012.00505.x>
- Flavin P., Keane M. J. (2011) Life Satisfaction and Political Participation: Evidence from the United States. *Journal of Happiness Studies*, 13 (1): 63–78.
- Gleditsch K. S., Rivera M. (2017) The diffusion of nonviolent campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 61 (5): 1120–1145. DOI: 10.1177/0022002715603101
- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Lustik M. B., Marshall M. G., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A global model for forecasting political instability. *American Journal of Political Science*, 54 (1): 190–208.
- Goldstone J. A. (2002) Population and security: How demographic change can lead to violent conflict. *Journal of international affairs*, 56 (1): 3–21.
- Golovina G., Savchenko T. (1995) Social situation analysis in conversed object region. *IV European congress of Psychology*. Canada.
- Grinin L. (2012) *State and socio-political crises in the process of modernization*. *Cliodynamics*, 3(1): 124–157 <https://doi.org/10.21237/C7clio3112323>
- Grinin L. (2022) *Revolutions and modernization traps*. In: Goldstone JA, Grinin L., Korotayev A. (eds) *New Waves of Revolutions in the 21st Century — Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Springer, Cham: 219–238. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_8
- Grinin L. (2013) State and socio-political crises in the process of modernization. *Social Evolution & History*, 12 (2): 35–76.
- Grinin L., Grinin A. & Korotayev A. (2023) Global Aging and our Futures. *World Futures*, 79 (5): 536–556, DOI:10.1080/02604027.2023.2204791
- Grinin L., Korotayev A. (2022) Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 105–136. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_4
- Grinin L., Grinin A. & Korotayev A. (2020) A quantitative analysis of worldwide long-term technology growth: From 40,000 BCE to the early 22nd century. *Technological Forecasting and Social Change*, 155, 119955. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119955>
- Gurr T. R. (2015) *Why Men Rebel*. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Helliwell J. F., Wang S. (2012) The state of world happiness. J. F. Helliwell, R. Layard & J. Sachs (Eds.) *World Happiness Report*. NY: The Earth Institute, Columbia University.
- Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. (2012) *World Happiness Report*. NY: The Earth

Institute, Columbia University.

Hooghe M., Marien S. (2013) A Comparative Analysis of the Relation between Political Trust and Forms of Political Participation in Europe. *European Societies*, 15 (1): 131-152.

Huntington S. (1986) *Revolution and Political Order*. In: Goldstone J. A. (ed.) *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*. Harcourt Brace Jovanovich, San Diego: 39-47.

Huntington S. P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.

Inglehart R., Welzel Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge MA: Cambridge University Press.

Jayawickreme E., Forgeard M. J. & Seligman M. E. (2012) The engine of well-being. *Review of General Psychology*, 16 (4): 327. <http://dx.doi.org/10.1037/a0027990>;

Kaase M. (1999) Interpersonal Trust, Political Trust and Non-institutionalised Political Participation in Western Europe. *West European Politics*, 22 (3): 1-21.

Koltko-Rivera M. E. (2006) Rediscovering the Later Version of Maslow's Hierarchy of Needs: Self-Transcendence and Opportunities for Theory, Research, and Unification. *Review of General Psychology*, 10 (4): 302-317.

92 Korotayev A., Malkov S., Grinin L. (2014) A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics*, 4: 201-267.

Korotayev A., Sawyer P., Romanov D. (2021) Socio-Economic Development and Protests. A Quantitative Reanalysis. *Comparative Sociology*, 20 (2): 195-222. DOI: 10.1163/15691330-bja10030

Korotayev A., Shishkina A. (2020) Relative Deprivation as a Factor of Sociopolitical Destabilization: Toward a Quantitative Comparative Analysis of the Arab Spring Events. *Cross-Cultural Research*, 54 (2-3): 296-318.

Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. (2018) Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Clodynamics*, 9(1): 59-118. DOI: 10.21237/c7clio9137314

Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2018) GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research*, 52(4): 406-440. DOI: 10.1177/1069397117732328

Kosmidis I., Kenne Pagui E. C., Sartori N. (2020) Mean and median bias reduction in generalized linear models. *Statistics and Computing*, 30: 43-59.

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Li L., Shi L. (2019) Economic growth and subjective well-being: analyzing the formative mechanism of Easterlin Paradox. *J. Chin. Sociol.*, 6 (1). <https://doi.org/10.1186/s40711-018-0090-9>

Lind E. A., Tyler T. R. (1988) *The Social Psychology of Procedural Justice*. New York, NY: Springer Science & Business Media.

Lindholm A. (2020) Does Subjective Well-Being Affect Political Participation? *Swiss Journal of Sociology*, 46 (3): 467-488.

Lyubomirsky S., King L., Diener E. (2005) The Benefits of Frequent Positive Affect:

- Does Happiness Lead to Success? *Psychological Bulletin*, 131 (6): 803–55.
- Madden D. (2011) The impact of an economic boom on the level and distribution of subjective well-being: Ireland, 1994–2001. *Journal of Happiness Studies*, 12 (4): 667–679.
- Maslow A. (1954) *Motivation and Personality*. New York, NY: Harper and Brothers.
- Mesquida C. G., Wiener N. I. (1996) Human collective aggression: A behavioral ecology perspective. *Ethology and sociobiology*, 17 (4): 247–262. DOI: 10.1016/0162-3095(96)00035-0
- Mesquida C. G., Wiener N. I. (1999) Male Age Composition and Severity of Conflicts. *Politics and the Life Sciences*, 18 (2): 181–189. DOI: 10.1017/S0730938400021158
- Ng J. W. J., Vaithilingam S., Lee G. H. Y. et al. (2022) Life Satisfaction and Incumbent Voting: Examining the Mediating Effect of Trust in Government. *Journal Happiness Studies*, 23: 2947–2967. <https://doi.org/10.1007/s10902-022-00536-z>
- Ojeda Ch. (2015) Depression and Political Participation. *Social Science Quarterly*, 96 (5): 1226–1243.
- Okulicz-Kozaryn A., Avery D. R. (2014) The subjective well-being political paradox: happy welfare states and unhappy liberals. *Journal of Applied Psychology*, 99. (6): 1300–1308. <https://www.apa.org/pubs/journals/releases/apl-a0037654.pdf>
- Pirralha A. (2017) Political Participation and Wellbeing in the Netherlands: Exploring the Causal Links. *Applied Research in Quality of Life*, 12 (2): 327–341.
- Prati G. (2022) The Association between Subjective Well-being and Regime Type across 78 countries: the moderating role of Political Trust. *Applied Research Quality Life*, 17: 3393–3413 <https://doi.org/10.1007/s11482-022-10070-y>
- Sahu F. M., Sangeeta R. (2003) Self-Efficacy and Wellbeing in Working and Non-Working Women: The Moderating Role of Involvement. *Psychology and Developing Societies*, 15 (2): 187–200.
- Samman E. (2007) Psychological and Subjective Well-Being: A Proposal for Internationally Comparable Indicators. *Oxford Development Studies*, 35 (4): 459–486.
- Sanderson S. K. (2010) *Revolutions: a worldwide introduction to social and political contention* / Stephen K. Sanderson. — 2nd ed. NY: Routledge. Taylor & Francis Group.
- Savchenko T. (2000) Life standart and psychological status. *Int. J. of Psychology*. Abstracts of the XXVII International Congress of Psychology. Stockholm, Sweden.
- Sawyer P. S., Korotayev A. V. (2022) Formal Education and Contentious Politics: The Case of Violent and Non-Violent Protest. *Political Studies Review*, 20 (3): 366–389. DOI: 10.1177/1478929921998210
- Staveteig S. (2005) The young and the restless: Population age structure and civil war. *Environmental Change and Security Program Report*, 11: 12–19.
- Stevenson B., Wolfers J. (2008) Economic growth and subjective well-being: Reassessing the Easterlin paradox. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1.
- Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. (2010) *Mismeasuring our lives: Why GDP doesn't add up*. New York, NY: New Press.
- Tay L., Diener E. (2011) Needs and Subjective Well-Being around the World. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101 (2): 354–365.

Urdal H. (2006) A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly*, 50 (3): 607-629. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00416.x

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023a) Education and revolutions. Why do revolutionary uprisings take violent or nonviolent forms? *Cross-Cultural Research*. DOI: 10.1177/10693971231162231

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023b) Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*, (22) 1: 95-137. DOI: 10.1163/15691330-bja10073

Ustyuzhanin V., Sawyer P., Korotayev A. (2023) Students and protests: A quantitative cross-national analysis. *International Journal of Comparative Sociology*, 64 (4): 375-401. DOI: 10.1177/00207152221136042

Van Stekelenburg J., Klandermans B. (2013) The Social Psychology of Protest. *Current Sociology*, Vol. 61 (5-6): 886-905.

Van Troost D., Van Stekelenburg J., Klandermans B. (2013) Emotions of Protest. *Emotions in politics: The Affect Dimension in Political Tension* / Ed. by Nicolas Demertzis. London: Palgrave MacMillan: 186-203.

Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. (2008) Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*, 134 (4): 504-535.

94

Veenhoven R. (2008) Sociological Theories of Subjective Well-Being. *The Science of Subjective Well-being* / Ed. by R.J. Larsen, M. Eid. New York: The Guilford Press: 44-61.

Weber H. (2019) Age structure and political violence: A re-assessment of the “youth bulge” hypothesis. *International interactions*, 45 (1): 80-112. DOI: 10.1080/03050629.2019.1522310

Weitz-Shapiro R., Winters Matthew S. (2011) The Link Between Voting and Life Satisfaction in Latin America. *Latin American Politics and Society*, 53 (4): 101-126.

Witter R. A., Okun M. A., Stock W. A., Haring M. J. (1984) Education and Subjective Well-Being: A Meta-Analysis. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 6 (2): 165-173.

Рекомендация для цитирования:

Мусиева Д. М., Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2023) Субъективное благополучие и революционная дестабилизация. Опыт количественного анализа. *Социология власти*, 35 (3): 57-94.

For citations:

Musieva J. M., Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2023) Subjective Wellbeing and Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis. *Sociology of Power*, 35 (3): 57-94.

Поступила в редакцию: 18.07.2023; принята в печать: 23.09.2023

Received: 18.07.2023; Accepted for publication: 23.09.2023